

культура. — 2000. — 13-19 июля. — с. 7

“Семь ворот Иерусалима” в Большом Зимнем дворце

На излете концертного сезона в Петербург вновь после двухлетнего перерыва приехал Кшиштоф Пендерецкий. На сей раз маэстро намеревался дать концерт в филармонии и записать с оркестром Эрмитажа “Санкт-Петербург Камерата” три своих инструментальных концерта в переложении для кларнета (солист — французский кларнетист Мишель Летек). Кроме того, необходимо было обговорить с руководством Эрмитажа детали будущего грандиозного проекта Tuba mirum — “Труба Предвечного”. (Имеется в виду та самая труба, что возвестит час Страшного Суда). Через год в торжественный день открытия ворот Большого Зимнего дворца во внутреннем двореке музея намечено исполнение монументальной оратории Пендерецкого “Семь ворот Иерусалима”, написанной по заказу иерусалимской мэрии еще в 1996 году.

Ворота Эрмитажа, запертые, кажется, с той самой поры, когда направляемый кипящим от возмущения разумом пролетариат ворвался в Зимний, ныне решено реставрировать, вернув решеткам золоченых орлов, а дворик — благоустроить и соорудить там концертную эстраду. Фонд Эрмитажной академии музыки, возглавляемый Сергеем Евтушенко, выступил инициатором проекта, активно поддержанного Михаилом Пиотровским, стремление которого “вливать музыку в стены Эрмитажа” наконец найдет достойное воплощение. Для исполнения оратории приглашены четыре хора и четыре камерных оркестра из раз-

ных стран; дирижировать будет автор. За неделю пребывания в Питере пан Кшиштоф, поражая наблюдателей своей любознательностью и энергией, успел невероятно много: провести две пресс-конференции — в филармонии и в Эрмитаже; дать феерический концерт с участием Первого филармонического оркестра, предварительно плотно поработав с ним на репетициях; посетить спектакль Мариинского театра “Золото Рейна”, от которого мэтр пришел в совершенный восторг, доверительно сообщив, что эта вагнеровская постановка ничуть не уступает лучшим европейским образцам; прослушать премьеру минималистского опуса Александра Кнайфеля в Малом зале филармонии; дать массу интервью, пообщаться с коллегами — и все это, ни на секунду не теряя своего всегдашнего благодушия, приветливости и внутреннего сосре-

доточения. В свои неполные 70 лет пан Кшиштоф делит время между занятиями композицией, выращиванием сада на 30 гектарах

активное неравнодушное начало, которое выразилось в трактовке Седьмой симфонии Бетховена.

Второй скрипичный концерт “Метаморфозы”, сочиненный им лишь полгода назад, прозвучал в Петербурге впервые (солист Вадим Бродский). Добротная, яркая музыка, выдержанная в стилистике позднего Шостаковича, серьезная и содержательная, без авангардистских шуток, дешевых эффектов и апелляции к внемузыкальным “подпоркам”, — таково впечатление от этого концерта. Драматизм авторского высказывания и ориентация на лучшие академические образцы жанра, безусловно, вызвали уважение. Доминирующее состояние возбужденной нервозности и тревоги, изредка сменяющееся хрупким лиризмом побочных эпизодов, учащенное интонационное дыхание и быстрая смена музыкальных собы-

тий придали драматургии опуса стремительность и целеустремленность. Чтобы вникнуть в движение музыкальной мысли, развиваемой авто-

ром в концерте, требовалось немалое слушательское усилие — но, право же, новый опус маэстро Пендерецкого того стоил.

Через год в торжественный день открытия ворот Большого Зимнего дворца во внутреннем двореке музея намечено исполнение монументальной оратории Пендерецкого “Семь ворот Иерусалима”.